

2. Black, Max. More About Metaphor // Metaphor and Thought. Ed. by Andrew Ortony. The University of Illinois. Cambridge University Press. – 1979. – P. 19–43.
3. Eliot, T. S. On Poetry and Poets. Lnd. – 1957. –262 p.
4. Eliot, T. S. The Sacred Wood. Essays on Poetry and Criticism. Lnd. 1934. –172 p.
5. Gao Hengwen. A new compilation of Bian Zhilin's works [M]. Beijing : People's Literature Publishing House, 2009.
6. Sun Yushi. Theory and Practice of Modern Chinese Interpretative Poetics (M). Beijing : Peking University Press, 2010.

И. Н. Малашук

*ЧУО «БИП – Институт правоведения»
(г. Могилев, Республика Беларусь)*

ОТРАЖЕНИЕ СОЛЯРНОГО КУЛЬТА В КУПАЛЬСКОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУСОВ И КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

В статье рассматриваются особенности купальской обрядности белорусов. Проведен анализ и выявлено место Купалья в системе древних праздников солярного ряда. Определены особенности отражения купальской обрядности в произведениях устного народного творчества белорусов. Выявлены особенности солярного культа в китайской мифологии.

Ключевые слова: мифология, солярный культ, культ огня, Купалье, солнечное божество, солярный знак.

The article discusses the features of the Kupala ritual of Belarusians. The analysis was carried out and the place of Kupala in the system of ancient solar holidays was revealed. The features of the reflection of the Kupala ritual in the works of oral folk art of Belarusians are determined. The features of the solar cult in Chinese mythology are revealed.

Keywords: mythology, the solar cult, the cult of fire, Midsummer, solar deity, solar sign.

В религиозных верованиях белорусов долгое время сохранялись древние, традиционные представления, которые прослеживаются во взглядах на Вселенную, природу, на взаимоотношения человека с окружающим миром. В Древнем Китае также считалось, что небо и земля населены различными божествами, добрыми и злыми, могущественными и слабыми, красивыми и безобразными. Во взглядах наших предков на природу особенно почиталось Солнце: «Солнце – это “царь неба”, “божий костер” (бог огня). Солнце являлось активным положительным началом относительно человека: к нему обращались с просьбой о здоровье и благополучии» [2, с. 444].

У жителей Древнего Китая богом солнца и лета, повелителем юга являлся бог Янь-ди (Чи-ди). Соседствовал с ним Чжужун, наиболее известный как бог огня. Согласно древним представлениям, он имел тело зверя, но человеческое лицо, разъезжал по небу, подобно славянскому Перуну, на огненной колеснице, которую тащили два огромных дракона. Чжужун в мировоззрении древних китайцев занимал место, подобное славянскому Янусу. Он являлся символом лета, ассоциировался с теплыми днями, солнечной погодой и теплом. Солярный пантеон дополняли бог грома Лэй-гун и богиня молнии Дянь-му. Считалось, что она стоит на облаке и держит в руках два зеркала, то сближая, то разводя их, в результате чего сверкает молния.

Солнце, по воображению древних славян, было главным божеством, поэтому время его умирания и оживания, а вместе с тем и всей природы положено в основу языческих праздников. Они группируются вокруг зимнего и летнего солнцеворотов. Купальская обрядность довольно сложная и очень интересная. О древности этого праздника и сопровождающих его обрядов говорит распространенность его не только среди других славян, но даже и среди неславянских народов Европы. Многими исследователями Купалье также связывается не только с солярным культом, но и культом воды и растительности. «Основным все-таки остается солнце, ведь расцвет растительности и всех

сил Земли напрямую зависит от Солнца. Те же венки, которые девушки пускают в воду, – это тоже символы солнца» [4, с. 87].

Праздник Купалы берет начало от древнего праздника Иоанна. «Ян (Яна) – древний культ солнечного света, солнца. Изначально его почитали как покровителя тепла и жизни. Этот образ и праздник были принесены в Европу древними животноводами-латинами из Азии (в Юго-Восточной Азии сохранились архаичные образы богов под названием “Ян”, “Янь” – “хозяев” водных источников). Древнеримский Янус сохранил функцию создателя рек и ручьев, подателя солнечного света. Под влиянием христианства его начали называть Иоанном Крестителем» [5, с. 209–210]. Древние римляне праздновали день Януса во время зимнего солнцезворота (и от него чуть позже был назван месяц январь). Современные итальянцы совершают обряд в честь Януса во время летнего солнцестояния – 24 июня, однако называют этот праздник Иоанном Крестителем. Отсюда следует, что архаичный Иоанн (Янус) праздновался древними животноводами дважды в год – на летнее и зимнее солнцестояние, славяне позаимствовали только летний праздник Иоанна (24 июня), который был в большей степени связан с земледелием, о чем свидетельствуют обряды подпрыгивания «на длинный лен» (у чехов и словаков), обход пахотной земли с плугом, употребление обрядовой пищи из ячменного зерна. Древние славяне, жившие на Дунае – родине праславян – рядом с латинами, сохранили архаичное название священного образа – Ян. Даже после расселения это название сохранилось у чехов, словаков, поляков и лужичан. У восточных славян праздник назывался «Иван», однако в обрядовых купальских песнях часто исполнялся припев-концовка: «Яна, Яна, Яна». У поляков и восточных славян сохранился наиболее архаичный обычай взбираться на холмы после купальской ночи и оттуда смотреть на восходящее солнце и на его «игру».

По народному поверью, солнце на Купалье восходит своеобразно, не просто «выглядывая», а играя, то есть распадается

на несколько дисков, которые то разбегаются в разные стороны, то соединяются в одно солнце, сверкает всеми цветами радуги, прыгает, погружается в воду («купаются») и снова появляется. Это древнее воображение нашло отпечаток в типичных купальских песнях, отличительной чертой которых является поэтизация буйства летней природы, молодости, солнца: «А на Купалу // Рана сонца іграла – // Рана сонца іграла // На добрыя годы, // На цёплыя росы – // На цёплыя росы, // На хлябы ўраджаі – // На хлябы ўраджаі» [5, с. 191].

Особое значение, придаваемое купальской обрядности, было обусловлено временем, в который она совершалась. Это был самый длинный день в течение года и самая короткая ночь. Природа в это время находилась в высочайшем расцвете, начиналось вызревание плодов, для земледельцев наступал самый важный момент их производственной деятельности – жатва. Все это и определяло характер купальской обрядности. Выделение растительности, наделение ее в Ивановскую ночь чудесными свойствами было, безусловно, связано с тем, что это был период ее наивысшего расцвета, цветения. Именно поэтому днем или вечером под Ивана Купалу собирали повсеместно травы – целебные и волшебные – для гадания. Н. Никольский отмечает древность этого обряда и относит его к эпохе «собираания полезных растений» [6, с. 34]. В одной из купальских песен зафиксированы моменты собираания и отмечается волшебное воздействие, магическое свойство «зелья», наполненного до сего дня солнечной исцеляюще-целительной силой: «На Купалле, на Яна, // Девочка зелье зберала: // Яна зберала, ня знала; // Да до Королеўны послала; // Королеўна зелье познала, // Да ўсем девочкам сказала: // Гето девоцькая красота, // А дятюшковая сухота; // Гето девоцькая умываньа, // А дятюшковая ўздыханьа» [3, с. 44].

Как видим, купальский культ отражал не только поклонение Солнцу, но и почитание растений, которые в купальский период обладают особой силой, что может быть амбивалентной – и целебной, и истребительной. Общеизвестно, что ночь с 23

на 24 июня (по старому стилю) считалась самой таинственной в сознании наших предков. Существует предание, что в ночь на Ивана Купалу расцветает чудесным огненным цветком папоротник, и тому, кому посчастливится его добыть, откроются все спрятанные глубоко под землю сокровища, он будет богатым, сильным, будет понимать язык животных и птиц. С папоротником, разумеется, соотносится золото. Но отметим и то, что мифический цветок изображался предками обязательно похожим на само Солнце. «Как Купала сама вся в золоте, на золотом престоле, так и у нее просят того же: она падает в свою, Купальскую, ночь, через него обретают богатство всего мира, делаются господами, владеют миром и покоятся, как и сама огненнакосая Купала: “Купала наша, Купала! // Дай нам котлы золота! // Вот солодушка цветет; // Я ўсяду пры ней, // Проночую пры ней, // Подстерегу красочку // Сорву папыротку. // Буду богач-богатыр: // Закуплю я весь свет, // Ня пойду я на прыгон // І буду спатъ у клеті, // Лепшы мойго пана!”» [3, с. 45]. Н. Никольский отметил, что культ папоротника «неясен, но очень распространен» [6, с. 34].

В Беларуси наиболее полно из всех славянских народов сохранились отголоски самой седой старины и в обряде торжества, и в сопровождающих его песнях. Примечательно то, что своеобразный колорит поэзии Купалья придавала не только ее отличительная функциональная направленность, содержательная наполненность, но и соответствующая поэтика, отдельные элементы которой трансформировали в себе реалии летней природы, поры наивысшего ее расцвета. Типичный для купальских песен рефрен «Солнышко, солнышко» как бы «опоясывает» всю площадь произведения, эмоционально усиливая каждую строчку по отдельности и весь текст в целом. Солнце представлялось как начало плодородия, с одной стороны, и любви – с другой. Бесспорно, что эта связь устанавливается через аналогию между плодородием земли и деторождением.

Таким образом, в обрядах празднования Купалы сохранились следы любовного культа. Вспомним, что у язычников купаль-

ская ночь была периодом «умывания жен». Как видно, в этих песнях значительное место отводится Солнцу, которое способствует влюбленным, предсказывает скорый брак. Влюбленные прыгают через купальские костры, солнечный огонь которых защищает и благословляет союз.

Как видно, огонь являлся в солярно-аграрных праздниках не только знаком Солнца, его земным сходством, но, конечно же, выполнял и другие функции. Ему, как и воде, приписывали магические очищающие свойства. Но обороняемая, ограждающая сила солнца и огня распространялась и на проявления нечистой силы: чтобы преградить ей вход в дом или во двор, поселение обходили с зажженным огнем, зажигали костры, чтобы гугать ведьм, бросали в них головни.

Кроме костра, одним из элементов солнечного культа был и солярный знак – колесо, посаженное на жердь, чтобы оно высоко горело. Как метко отметил А. Афанасьев, «и колесо, и пламя – символы солнца. Отступая на зиму, оно теряет свой яркий блеск, становится бледным, что и продолжается до той поры, пока с обращением весны ни искупается оно в дождевой воде: только тогда станет Солнце “красное” и заблестит на небе золотым червонцем» [1, с. 210–212].

Поэтическое соотношение солнца с огненным колесом вызвало обычай зажигать в известные годовые праздники колеса. Эта традиция до сих пор сохраняется у немецкого и славянских народов. В некоторых местностях на праздник Купалы откатывают от зажженного костра колесо, указывая таким образом поворот солнца на зиму. Этот же смысл вкладывался и в скатывание огненного колеса в реку: после достижения своего апогея летнее солнце начинало спускаться с небосвода, его горячие лучи так же тушились в потоках осени.

Таким образом, магически-традиционными действиями человек старался повлиять на силы природы. Тем самым он выступал как активное начало, а не жертва действий непонятных ему природных явлений. Очевидно, что из реликтов купаль-

ских обрядов можно определить образ Купалы / Иоанна как источника солнечного света, времен года, покровителя земледелия и скотоводства, любви и брака, покровителя обитателей святилищ. Купальская обрядность является адекватной формой выражения первообраза солнца, реализуемого во временном пространстве (это был самый длинный день и самая короткая ночь), в традиционном обряде встречи светила, которое, по народному воображению, своеобразно восходит («играет»), в представлениях о сверхъестественных свойствах растений, наиболее ярко воплощаемых на примере цветка папоротника, в символическом солярном наполнении образа огня, его очищающих функциях.

Литература

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М. : «Индрик», 1994. – 360 с.
2. Беларусы: У 8 т. / Рэд. В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, В. С. Цітоў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 1 : Прамысловыя і рамесныя заняткі. – 360 с.
3. Бессонов, П. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества, языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. Бессонов. – М., 1871. – 123 с.
4. Казакова, І. В. Сімволіка і семантыка славянскіх міфалагем (на матэрыялах беларускага фальклору) / І. В. Казакова. – Мн. : НІО, 1999. – 146 с.
5. Мирочников, Л. Т. Словарь славянской мифологии / Л. Т. Мирочников. – Мн. : НИО, 1999. – 232 с.
6. Никольский, Н. М. Дохристианские верования и культы днепровских славян / Н. М. Никольский. – М. : Атеист, 1929. – 354 с.